

Ася Коваль

Проданная троим

Ася Коваль

Проданная троим

<https://litres.ru/74227438>

Аннотация

Меня продали троим.

Они могут делать со мной всё, что захотят.

Седой — жёстко. Смуглый — извращённо. Демиан — медленно и так, что я схожу с ума.

Я — их общая игрушка. Их ночная забава.

Но по ночам, когда двое спят, я прихожу к нему. И он берёт меня так, как не берут вещь. Он хочет, чтобы я принадлежала только ему. А я хочу, чтобы он не останавливался.

Тёмная проза. Очень откровенно. Трое мужчин. Одна женщина. Без цензуры.

Содержание

Пролог. Долг брата	4
Глава 1. Белое платье	8
Глава 2. Трое	14
Глава 3. Его имя — Дэмиан	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пролог. Долг брата

Они пришли ночью. Я услышала стук в дверь и сразу поняла — это не сосед и не доставка. Стук был слишком уверенным. Слишком громким для половины двенадцатого.

Я на цыпочках подошла к двери и глянула в глазок. Тёмное пятно. Кто-то зажал его пальцем. Сердце ухнуло вниз, а стук повторился — от удара едва не задрожал косяк. Если не открою, они её просто выломают.

Я щёлкнула замком. На пороге стояли двое. В чёрных куртках, с неподвижными лицами и глазами, которые смотрели сквозь меня, как сквозь стекло.

Я была в старой футболке и домашних шортах — без лифчика, застигнутая врасплох. Они сразу заметили. Их взгляды скользнули по вырезу, задержались там, где тонкая ткань облегалa грудь. Один из них даже не скрывал хищного интереса.

— Ева? — спросил тот, что слева. — Да. — Поедете с нами. Брат ждёт.

Я не спросила, что случилось. Знала. Всегда знала, что этот день настанет. Просто надеялась, что позже. Что у меня будет время. Что брат, наконец, образумится.

Не образумился.

Я накинула пальто поверх футболки, сунула ноги в первые попавшиеся туфли и вышла.

Машина была чёрной, с тонированными стёклами. В салоне пахло морозом и терпким мужским парфюмом. Я села на заднее сиденье, и дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком. Всю дорогу мы ехали в гнетущем молчании. Я вцепилась в край сиденья, даже не смея спросить, жив ли он вообще.

Брат ждал в пустом кафе на окраине. Стёкла заклеены газетами, горит лишь один светильник над барной стойкой. Он сидел за дальним столиком, сжавшись в комок. Лицо в синяках, губа разбита, руки трясутся.

— Ева, — выдохнул он, когда я вошла. — Прости. Прости, я не знал, что они... — Заткнись, — бросила я.

Не потому, что злилась. Если бы он продолжил, я бы разревелась. А плакать при них я не собиралась.

За столиком напротив сидел мужчина. Лет сорока, с седой на висках. Он смотрел на меня медленно, оценивающе, с ног до головы, заставляя запахнуть пальто плотнее.

— Ваш брат должен нам крупную сумму, — его голос был тихим, но от него веяло холодом. — Он не может отдать. Но предложил сделку. Вы отработаете его долг. Несколько вечеров — и вы свободны. — Что значит — отработаю? Что я должна делать? — То, что скажут.

Я хотела крикнуть, что это безумие. Что я ни на что не согласна, что они не имеют права. Но посмотрела на разбитое лицо брата. На синяк под глазом. На его трясущиеся руки. Они убьют его, если я откажусь. Я знала это так же точно,

как то, что завтра наступит утро.

— Хорошо, — одними губами произнесла я.

В этот момент колокольчик на входной двери истерично звякнул. В кафе влетела жена моего брата. Растрёпанная, с красными от слёз глазами, она бросилась к нему, упала на колени, обхватывая его лицо ладонями и причитая. Брат виновато спрятал глаза.

Никто из охраны даже не шелохнулся — они позволили ей войти, чтобы я всё поняла. Он продал меня, чтобы вернуться к ней.

Мужчина с сединой брезгливо поморщился, глядя на эту сцену, и поднялся из-за стола. Один из амбалов бросил на стол передо мной непрозрачный пакет.

— Завтра в семь за вами приедут, — бросил главный, направляясь к выходу. — Будьте готовы. Внутри — то, что должно быть на вас надето. И больше ничего другого.

Они ушли, оставив меня за столиком под всхлипывания жены брата. Я даже не смотрела в их сторону.

Вышла на улицу. Ночь была ледяной, звёзд не видно. Я села на скамейку у входа и заглянула в пакет. Белое платье — тонкое, почти прозрачное. И чёрное кружево — такое откровенное, что перехватило дыхание. Ткань скользнула по пальцам, мягкая, как приговор.

«Несколько вечеров», — повторила я про себя, закуривая дрожащими руками.

Я затушила сигарету и пошла домой. Завтра в семь меня

заберут.

Но готова ли я к тому, что ждёт меня за закрытыми дверями их тёмного мира? И кто из этих жестоких людей станет моим самым страшным кошмаром, а кто — единственным шансом на спасение?

Глава 1. Белое платье

Меня забрали ровно в семь.

Но за час до этого я стояла перед зеркалом в своей ванной и не узнавала собственное отражение. На мне было то самое белое платье, которое вчера бросили на стол в кафе. Тонкое, почти невесомое, без рукавов и с вырезом, открывающим ложбинку между грудей. И больше ничего, кроме чёрного кружева под ним — как и было приказано.

Ткань оказалась такой лёгкой, что не скрывала ровным счётом ничего. Сквозь полупрозрачный белый шёлк чётко проступали тёмные ареолы и твёрдые горошины сосков. Лифчик лишь приподнимал грудь, оставляя её наполовину обнажённой для чужих взглядов. Чёрные кружевные трусики были просто издевательством — узкая полоска ткани врезалась в ягодицы, а спереди едва прикрывала лоно, оставляя на виду хищный контраст бледной кожи и чёрных нитей. Девушка в зеркале выглядела так, словно сама пришла умолять, чтобы её взяли. Грубо и без лишних разговоров. Хотя на самом деле меня просто готовили на закланье.

Туфли из того же пакета — чёрные, на экстремально высоком каблуке. Блестящие кожаные ремешки обхватили лодыжки туго, впиваясь в кожу, почти как настоящие ошейники. Не больно, но чувствительно. Каждый шаг теперь отдавался в мышцах, напоминая о том, что я — вещь. Красиво

упакованный товар, отданный за долги.

Я накинула пальто, застегнула его на все пуговицы, пряча свой позор, чтобы хоть на мгновение почувствовать себя защищённой, и вышла к подъезду.

Чёрная машина уже ждала у тротуара. Дверь открылась, и я скользнула на заднее сиденье, затянутое в скрипучую кожу. Запах дорогого табака и мужского парфюма мгновенно забил лёгкие. Я не взглянула на водителя. Зачем смотреть в лицо тому, кто везёт тебя в персональный ад?

Мы ехали около часа. Город закончился, за окном потянулись глухие заборы и мрак промзон. В салоне было тепло, но меня била крупная дрожь. Каждая кочка, каждый резкий поворот машины заставляли жёсткое кружево трусиков тереться о самую чувствительную кожу между ног. Это монотонное трение посылало по натянутым нервам обжигающие разряды унижительного, больного жара. Я до боли сжимала бёдра, чувствуя, как низ живота сводит от коктейля из животного ужаса и предательского физиологического возбуждения. Я была абсолютно голой и беззащитной под слоем плотного драпа.

Машина остановилась у мрачного кирпичного здания. Внутри горел тусклый свет.

— Выходи, — скомандовал водитель. Я послушно открыла дверь. — Пальто оставь, — бросил он мне в спину, скользнув масляным взглядом по моим ногам. — Там будет жарко.

Пришлось подчиниться. Ночной ветер тут же ударил сбо-

ку, задирая невесомый подол до самых бёдер. Я инстинктивно прижала край руками, но это выглядело жалко — сквозь ткань всё равно просвечивал тёмный треугольник кружева на лобке.

Меня провели внутрь. Коридоры пахли хлоркой и застарелым мужским потом. Конвоир шёл впереди. Он не оборачивался, но я знала: этот тонкий шёлк так облепил моё тело, что сзади прекрасно видно, как кружево стрингов глубоко врежется в ягодицы при каждом шаге.

— Заходи. Жди здесь, — он распахнул передо мной ничем не примечательную дверь.

Комната оказалась тесной, похожей на изолятор. Липкий пол, серые стены, старый продавленный диван. Платье было таким тонким, что я кожей чувствовала холодный сквозняк — он лизал голые ноги, поднимался по внутренней стороне бёдер, заставляя соски болезненно сжиматься и предательски торчать сквозь шёлк.

Мой взгляд упал на стену напротив. Зеркало Гезелла. Большое, тёмное, идеально чистое. Там, по ту сторону стекла, прямо сейчас кто-то находился. Я не видела их, но кожей почувствовала чужой, тяжёлый мужской взгляд. Он грязно и медленно полз по моему телу, ощупывая грудь, спускаясь к животу, раздвигая ноги. Они уже начали свою игру. Моё дыхание сбилось.

За спиной сухо щёлкнул замок. Вошла женщина лет сорока с абсолютно пустыми глазами.

— Раздевайся, — бросила она так буднично, словно просила снять куртку. Я замерла, сжав ткань на бёдрах. — Не трати время. Мне нужно проверить товар на брак. Синяки или царапины на нежной коже никому не нужны.

Дрожащими руками я потянула платье вверх. Ткань заскользила по коже, обнажая бёдра, живот, грудь. Я стянула его через голову и осталась стоять перед ней в одном пошлом, открытом белье.

Женщина окинула меня цепким взглядом. — Повернись к стене. Руки за голову. Наклонись. Шире ноги, — команды звучали как хлыст.

Я сцепила пальцы на затылке и послушно расставила ноги. Тонкая полоска трусов натянулась до предела, безжалостно врезаясь в плоть. Промежность пульсировала от холода, стыда и невыносимого чувства абсолютной уязвимости. От женщины пахло дешёвой сигаретой. Её прохладные, грубые руки легли мне на спину, скользнули вниз, без церемоний сжали обнажённые ягодичы, грубо раздвигая их. Я судорожно выдохнула, когда её пальцы коснулись самого интимного.

— Не дёргайся. Упругая, — констатировала она и обошла меня спереди.

Её ладони уверенно легли на мою грудь. Она безжалостно оттянула кружево лифчика вниз, обнажая её полностью. Пальцы смяли мягкую плоть, больно сжали отвердевший, напряжённый сосок, прокручивая его между ногтями. Я стиснула зубы, издав тихий, рваный стон. В глазах защипало.

— Не плакать. Слезы здесь никого не возбуждают, — одёрнула она, возвращая кружево на место. — Сядь. Глаза закрой.

Я опустилась на диван. Голая кожа бёдер прилипла к холодному дерматину. Женщина начала наносить макияж. Холодные пальцы, щекочущая кисточка, густой мазок красной, как кровь, помады на моих губах.

— Красивая шлюшка получилась, — вынесла она вердикт, собирая косметичку. — Понравишься. Сиди.

Она вышла. Я осталась одна в полумраке, выставленная напоказ перед тёмным стеклом зеркала.

Низ живота сводило тянущей, тяжёлой болью. Кружево трусов между ног стало откровенно влажным. От адреналина. От унижения. От того, что меня только что так бесцеремонно трогали и рассматривали, заставляя чувствовать себя покорной вещью. Моё тело предательски отзывалось на это грубое доминирование, сочилось постыдной смазкой, даже когда разум захлёбывался от омерзения. Я ненавидела себя за эту слабость.

Дверь снова открылась. — Надень платье. И пошли, — приказал вернувшийся конвоир, его глаза жадно скользнули по моей груди.

Я натянула белый шёлк на горячее, пульсирующее тело. Мы пошли по коридору. Семнадцать шагов. Мы остановились перед тяжёлой дубовой дверью, из-под которой пробивался приглушённый свет.

— Заходи.

Я сжала влажной ладонью прохладную ручку, толкнула створку и шагнула в полумрак чужой спальни, чувствуя, как по ногам скользнул прохладный воздух. Назад дороги больше не было.

Глава 2. Трое

Свет ударил в глаза — мягкий, приглушённый, почти уютный.

Это пугало сильнее, чем если бы меня встретили прожекторами и криками. Уют означал, что всё продумано. Что они ждали меня. Что у них был план.

Я замерла на пороге, вцепившись пальцами в дверной косяк. Платье было таким тонким, что я чувствовала сквозняк на коже — он пробежал по ногам, поднимался выше, заставляя соски твердеть под тканью. Я понимала, что это видно. И понимала, что они это видят.

Комната оказалась просторной. Не такой, как та, где меня раздевали. Здесь было чисто, пахло дорогим табаком и кожей. Посередине стоял стол. Тяжёлый, деревянный, на толстых ножках. Вокруг — три стула.

На трёх стульях сидели трое мужчин.

Я смотрела на них, и сердце колотилось где-то в горле. Кровь прилила к щекам. Соски твердели под тканью от страха, холода и их взглядов, которые уже скользили по мне.

Их взгляды — тяжёлые, изучающие, медленно ползущие по моему телу — ощущались почти физически. Как чужие руки, которые ещё не прикоснулись, но уже выбрали место.

Первый был седым.

Лет за пятьдесят, с властным лицом и холодными глазами.

Он сидел прямо, сложив руки на столе, и смотрел на меня так, будто оценивал покупку.

На правой руке, между большим и указательным пальцами, у него была старая татуировка — выцветшая синяя звезда, какие набивали в тюрьмах ещё в девяностых. Кожа вокруг неё была сморщенной, татуировка расплылась от времени, но я узнала её. Мой отец рассказывал — такая означала, что человек прошёл через лагеря. Что он не просто бизнесмен. Что он убивал.

Его взгляд задержался на вырезе платья — там, где ткань почти не скрывала грудь. Потом опустил ниже, туда, где платье облегалo бёдра. Медленно. По-хозяйски. Как будто он уже знал, что будет делать с моим телом, и выбирал, с чего начать.

Его глаза прошлись по моим ногам, поднялись выше, задержались на промежности — я инстинктивно сжала бёдра, но ткань ничего не скрывала. Он усмехнулся. Краешком губ. Едва заметно.

Запах от него шёл тяжёлый, удушающий — дешёвый табак, перебивающий что-то ещё, что-то сладковато-гнилостное. Пахло так в старых подъездах, где кто-то умер и его долго не выносили.

Я поняла, что он заметил мою реакцию. И ему понравилось.

Второй был моложе. Смуглый, с хищной улыбкой и золотым перстнем на пальце.

Он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и рассматривал меня с откровенным, почти неприличным интересом.

Когда он улыбнулся, я увидела, что один из его клыков — золотой. Не коронка, а именно зуб — маленький, блестящий, хищный. Как у волка, который уже пробовал человеческую плоть и ему понравилось. Этот золотой блеск в уголке его рта был страшнее, чем если бы он достал нож.

Его глаза блестели. Он облизнул губы — медленно, демонстративно, как будто пробовал меня на вкус уже сейчас, как будто я стояла перед ним голая, и он решал, куда войдёт первым.

Его взгляд прошёлся по моей груди, по соскам, которые предательски твердели под тканью. Он заметил это. Его улыбка стала шире.

От него пахло иначе — дорогим парфюмом, который пытался перебить запах пота и адреналина. Но под одеколоном чувствовалось что-то острое, кисловатое. Запах хищника, который только что бежал и теперь загоняет добычу.

— Смотри, — сказал он седому, не отводя от меня глаз.
— Уже готова.

— Не готова, — спокойно ответил седой. — Боится. Но это пройдёт.

Смуглый хмыкнул.

Третий... третий был другим.

Он сидел в тени, и я не могла разглядеть его лица. Только

очертания — широкие плечи, тёмная одежда, неподвижная поза.

Его руки лежали на столе — длинные пальцы, чистые ногти, никаких колец. Но на левом запястье, там, где рубашка чуть задралась, я заметила шрам. Не порез — ожог. Круглый, старый, с белой блестящей кожей вокруг. Такой оставляет сигарета, которую держат слишком долго. И не одна. Я насчитала три, пока он не убрал руки под стол.

Он не смотрел на меня. Или смотрел так, что я этого не замечала. От этого становилось ещё страшнее.

Его молчание было тяжелее, чем взгляды двоих других. Седой изучал. Смуглый хотел. А третий просто ждал. Я не знала — чего.

Запаха от него я не чувствовала вообще. Ни табака, ни одеколона, ни пота. Только чистота — стерильная, больничная. Как в операционной перед тем, как тебе разрежут живот.

— Подойди, — сказал седой.

Голос у него был спокойным, ровным. Без эмоций. Как у человека, который привык, чтобы его слушались.

Я не пошевелилась.

— Я сказал — подойди.

Мои ноги не слушались. Я стояла, вцепившись в дверной косяк, и чувствовала, как сердце колотится, как кровь приливает к щекам, как соски твердеют под тканью — и от их взглядов, от которых хотелось прикрыться, но нечем.

Сзади кто-то вздохнул — конвоир, которому надоело ждать. Его ладонь легла мне на плечо, толкнула вперёд. Я сделала шаг. Потом ещё один.

Дверь за мной закрылась. Конвоир остался снаружи.

Платье колыхалось вокруг бёдер, подол задирался, открывая ноги почти до трусов. Я чувствовала, как воздух касается кожи там, где его быть не должно. Как кружево лифчика проступает сквозь тонкую ткань. Как они видят всё — или почти всё.

— Остановись, — сказал седой, когда я оказалась в трёх шагах от стола.

Я замерла.

Он встал. Обошёл стол, остановился напротив меня. Теперь я видела его глаза — серые, холодные, как зимнее небо. И снова мелькнула татуировка на руке — синяя звезда, расплывшаяся от времени.

Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде не было ничего человеческого. Только желание. Только власть. Только уверенность, что я сделаю всё, что он скажет.

— Покрутись, — сказал он.

— Что?

— Покрутись. Медленно. Чтобы мы тебя рассмотрели.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль помогала не разреветься.

Я начала поворачиваться. Медленно. Сначала лицом к седому — он смотрел на мою грудь, на то, как ткань облегает

соски. Потом боком — смуглый смотрел на мои бёдра, на то, как платье задирается, открывая кружево трусов. Потом спиной — я чувствовала их взгляды на своей заднице, на том, как ткань врезается между ягодиц.

— Ещё раз, — сказал смуглый. Я заметила блеск золотого клыка в уголке его рта.

Я повторила.

— Остановись, — сказал седой, когда я снова оказалась к нему лицом.

Он протянул руку и взял меня за подбородок. Пальцы были грубыми, горячими, с запахом того самого дешёвого табака. Он повернул моё лицо сначала в одну сторону, потом в другую, рассматривая, как лошадь перед покупкой.

— Красивая, — сказал он. — Рот хороший. Пригодится.

Смуглый засмеялся — коротко, гортанно, и я снова увидела золотой клык.

— Сразу видно, старый, ты о главном думаешь.

— А ты о чём?

— Я хочу посмотреть на неё без этого, — смуглый кивнул на моё платье. — Сними.

Я замерла.

— Сейчас? — прошептала я.

— Сейчас. Или тебе помочь?

Я посмотрела на седого. Он не вмешивался. Ждал. Я посмотрела на третьего — тот по-прежнему сидел в тени, но теперь мне показалось, что он смотрит. Пристально. Не от-

рываюсь. Я представила ожоги на его запястье — три круглых шрама.

Мои пальцы дрожали, когда я потянула платье вверх. Ткань скользила по коже, обнажая ноги — сначала щиколотки, потом икры, потом колени. Я слышала, как смуглый выдохнул — тихо, но отчётливо. Его золотой зуб блеснул в тусклом свете.

Платье поднялось выше, открывая бёдра, кружево трусов, резинку, врезающуюся в кожу. Я подняла руки, стягивая его через голову, и осталась в одном белье — чёрном, кружевном, почти таком же откровенном, как если бы на мне ничего не было.

Трусы были тонкой полоской ткани, которая едва прикрывала самое сокровенное. Сквозь кружево угадывалось всё. Лифчик держал грудь, но соски торчали наружу, твёрдые от напряжения, и ткань их не скрывала — только подчёркивала.

Я стояла перед ними, чувствуя, как их взгляды ползают по моему телу. Седой смотрел на грудь — его татуированная рука лежала на столе неподвижно. Смуглый — между ног, и его золотой клык поблёскивал. Я сжала бёдра, но это не помогло. Они видели. Они всё видели.

— Повернись, — сказал смуглый.

Я повернулась. Сначала лицом к нему — его глаза прошли по моему животу, по кружеву трусов, задержались там. Потом спиной — я чувствовала, как он смотрит на мою задницу, на тонкую полоску ткани, которая ничего не скры-

вает.

— Наклонись, — приказал он. — Вперёд. Руками в пол.
Я не двигалась.

— Я сказал — наклонись. Или мне подойти и помочь?

Я медленно наклонилась. Руки упёрлись в холодный линолеум. Платье лежало рядом, но я была почти голая. Трусы натянулись, врезаясь между ягодицами. Я чувствовала, как ткань впивается в кожу, как всё открыто их взглядам.

— Раздвинь ноги, — сказал смуглый.

Я раздвинула. Шире, чем нужно. Ещё шире.

— Теперь замри, — сказал седой.

Я замерла. В такой позе — наклонённая, раздвинутая, почти голая. И они смотрели. Смотрели туда, куда никогда не должен заглядывать чужой взгляд.

— Хорошая дырка, — сказал смуглый, и я услышала в его голосе удовольствие. — Узкая.

— Встань, — сказал седой.

Я выпрямилась. Ноги дрожали.

— Подойди к столу.

Я подошла. Стол был высоким, деревянным, холодным.

— Ляг на него. Спиной.

Я посмотрела на стол. Потом на седого. Потом на смуглого, который улыбался — золотой клык блеснул.

— Ложись, — повторил седой.

Я легла. Спина коснулась холодного дерева, и я вздрогнула. Ноги свисали вниз, не доставая до пола. Я чувствовала

себя как на алтаре — принесённая в жертву, разложенная, готовая.

— Ноги подними, — сказал смуглый.

Я подняла. Поставила ступни на край стола, колени согнулись и разъехались в стороны. Трусы натянулись, открывая всё, что должны были скрывать.

— Сними их, — сказал седой.

Я посмотрела на него.

— Сейчас?

— Сейчас.

Мои пальцы дрожали, когда я зацепила резинку трусов и потянула вниз. Ткань скользила по бёдрам, по коленям, по голеням. Я сняла их и бросила на пол. Теперь на мне не было ничего. Только туфли на высоком каблуке и блестящие ремешки на лодыжках.

— Руки за голову, — приказал смуглый.

Я завела руки за голову. Грудь приподнялась, соски смотрели в потолок. Я лежала на столе, голая, раздвинутая, беспомощная, и они смотрели.

Седой подошёл. Его рука — с синей тюремной звездой — легла мне на живот. Горячая, тяжёлая. Пальцы скользнули вверх, к груди, обвели сосок, сжали.

— Твёрдая, — сказал он. — Хорошо.

Его рука опустилась ниже. По животу, по лобку, ниже. Пальцы скользнули туда, куда я не хотела, чтобы кто-то прикасался.

— Смотрит на меня, — сказал он, и в его голосе было удовлетворение. — Бойтся.

— Потому что не знает, что хорошо, — ответил смуглый. Его золотой клык блеснул в улыбке. — Научим.

Я смотрела в потолок и считала трещины. Одна, две, три, четыре, пять. Их было семнадцать. Я запомнила.

Пальцы седого двигались медленно, изучающе, без спешки. Я не дышала.

— Влажная, — сказал он. — Испугалась или понравилось?

Я молчала.

— Я спросил, — его пальцы надавили сильнее. — Испугалась или понравилось?

— Испугалась, — выдавила я.

— Врёшь, — сказал смуглый. — Тело не врёт.

Он подошёл с другой стороны. Его рука легла мне на горло. Не сжимала — просто лежала. Большим пальцем он приподнял мой подбородок, заставляя смотреть на него. Золотой клык был совсем близко.

— Ты будешь делать всё, что мы скажем, — сказал он. — Будешь открывать рот, когда нужно. Будешь раздвигать ноги, когда нужно. Будешь стонать, когда нужно. Поняла?

— Поняла.

— Что ты поняла?

— Я буду делать всё, что вы скажете.

Он улыбнулся. Убрал руку.

Седой тоже убрал руку — его татуированная кисть мелькнула в воздухе. Я осталась лежать на столе, голая, мокрая от его пальцев, и смотрела в потолок.

И тут заговорил третий.

— Хватит, — сказал он.

Голос был низким, спокойным, без тени эмоций. Но в нём чувствовалась сила — такая, что седой и смуглый переглянулись и отошли от стола.

— Мы не закончили, — сказал седой.

— Закончили, — ответил третий.

Он встал. Вышел из тени, и я наконец увидела его лицо.

Молодой. Лет тридцать, не больше. Тёмные волосы, острые скулы, глубоко посаженные глаза. На щеке — тонкий шрам, почти незаметный, но меняющий всё выражение лица. Когда он вышел на свет, я заметила его руки — длинные пальцы, чистые ногти. И три круглых ожога на левом запястье. Они были старыми — белая блестящая кожа вокруг, как после химического ожога. Он не прятал их. Не стыдился.

От него по-прежнему не пахло ничем. Только чистотой. Стерильностью. Это было страшнее, чем запах седого или парфюм Марка.

Он смотрел на меня. На моё голое тело, распластанное на столе. На следы от пальцев седого на животе и между ног. На мои слёзы, которые всё ещё текли по щекам.

— Сядь, — сказал он.

Я села. Ноги дрожали. Я прижала их друг к другу, при-

крываясь, как могла.

— Оденься, — сказал он.

Я сползла со стола. Подняла трусы, надела их. Подняла платье, натянула через голову. Ткань снова скрыла моё тело, но я всё равно чувствовала себя голой.

— Уходите, — сказал он седому и смуглому.

Они вышли. Дверь закрылась.

Я осталась одна с человеком, который смотрел на меня из тени, а теперь стоял напротив. Человеком с тремя ожогами на запястье. Человеком, от которого не пахло ничем.

— Подойди, — сказал он.

Я подошла. Ближе, чем хотела. Он взял меня за подбородок — не грубо, как седой, а почти нежно. Его пальцы были холодными. Повернул моё лицо к свету.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Ева.

— Ева, — повторил он. — Красивое имя. Не подходящее для этого места.

— А какое подходит?

— У тебя его нет, — сказал он. — Здесь у тебя нет имени. Ты — вещь. Моя вещь.

Он отпустил мой подбородок. Я увидела его запястье — три круглых шрама. Старых. Белых.

— Я — Дэмиан, — сказал он. — Запомни это имя. Потому что отныне я — твой хозяин.

— У меня нет хозяина.

— Есть, — он наклонился к моему лицу. Его дыхание коснулось моей щеки — горячее, ровное. И в этом дыхании наконец появился запах. Не табак. Не парфюм. Что-то горькое, лекарственное. Как йод. Как больница. Как операционная. — Ты подписала контракт. Твой брат получил деньги. Теперь ты отрабатываешь.

— Я не знала, что это будет...

— Что? — перебил он. — Это? — он обвёл рукой комнату, и я снова увидела ожоги. — А что ты думала? Офис с бумажками? Светская беседа?

Я молчала.

Он отступил, окинул меня взглядом — медленным, спокойным. Его глаза прошли по моему лицу, шее, ключицам, задержались на груди, прикрытой тонкой тканью. Потом опустились ниже, на живот, на бёдра, на то место, где только что были пальцы седого.

— Сегодня ничего не будет, — сказал он. — Ты не готова. Я не люблю ломать то, что можно согнуть.

Он повернулся и пошёл к двери. Его левое запястье мелькнуло в свете — три белых шрама.

— Дэмиан, — окликнула я.

Он остановился.

— Зачем тебе это? — спросила я. — У тебя есть деньги, власть. Зачем тебе покупать людей?

Он не обернулся.

— Потому что люди — самый ценный товар, — сказал он.

— А несломанные — особенно.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Стояла посреди комнаты в белом платье, которое ничего не скрывало. Мои руки дрожали. Ноги дрожали. Всё тело дрожало.

Я провела ладонями по своей коже — там, где только что были пальцы седого. Осталось тепло. Осталось отвращение. Осталось чувство, что меня уже трогали там, куда не должны были.

Я опустила глаза. На полу, у стола, лежали мои трусы — чёрные, кружевные, влажные. Я не стала их поднимать.

В первый раз за этот вечер я заплакала.

Не от страха.

От унижения.

И от того, что когда Дэмиан смотрел на меня, я почувствовала не только страх. Я почувствовала что-то ещё. Что-то, чему я не решалась дать имя.

Но теперь я знала о нём три вещи: у него был шрам на щеке, три ожога на запястье — и он пах больницей. Операционной. Тем местом, где тебя режут, но потом собирают заново.

Почему-то это знание не успокаивало. И не пугало. Оно просто было.

Как и он.

Тень, которая смотрела.

Глава 3. Его имя — Дэмиан

Дверь за седым и смуглым закрылась.

Я осталась одна с ним.

С человеком, который сидел в тени, а теперь вышел на свет. С человеком, который одним словом остановил двоих, готовых разорвать меня на части.

Дэмиан стоял напротив, и я наконец могла его рассмотреть. Молодой. Лет тридцать, не больше. Тёмные волосы падали на лоб, острые скулы, глубоко посаженные глаза. На щеке — тонкий шрам, почти незаметный, но меняющий всё лицо. Делаящий его жестче. Опаснее.

Чёрная рубашка, брюки. Никаких украшений. Ни золотых перстней, как у смуглого. Ни дорогого костюма, как у седого. Только чёрная ткань и тихая, спокойная сила, которая чувствовалась в каждом его движении.

Я стояла, вцепившись пальцами в край стола. Всё тело дрожало — мелкой, противной дрожью, которую я не могла остановить. Зубы стучали. Платье прилипло к коже — влажной от страха и унижения.

Он смотрел на меня. Не как седой — оценивающе, с прикидкой, куда войти первым. И не как смуглый — похотливо, с предвкушением.

Он смотрел так, будто пытался прочитать что-то у меня в душе.

Но его взгляд всё равно скользнул по моему телу. По лицу, шее, ключицам. Задержался на груди, прикрытой тонкой тканью. Потом опустился ниже, на живот, на бёдра, на то место, где ткань облежала промежность. Не торопясь. Спокойно. Как будто он имел на это право.

И он имел. Потому что я была его собственностью.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль помогала не разреветься.

— Ты не такая, как другие, — сказал он.

Голос был низким, спокойным. Без эмоций. Но в нём чувствовалась сила — такая, что седой и смуглый подчинились без единого слова.

— Я не знаю, какие другие, — ответила я.

Голос дрожал. Я ненавидела эту дрожь, но не могла с ней ничего поделать.

Он сделал шаг вперёд. Я отступила. Моя спина упёрлась в стол — холодное дерево прижалось к голой спине через тонкую ткань платья.

Он остановился в шаге от меня. Теперь я чувствовала его запах — не одеколон, что-то другое, своё, мужское, тёплое. С примесью чего-то горького, лекарственного.

— Другие плачут, — сказал он. — Умоляют. Делают всё, что скажут. А ты злишься.

— Потому что я не хочу здесь быть.

— Это не имеет значения.

Он протянул руку и коснулся моего подбородка. Пальцы

были тёплыми, сухими. Я замерла. Не отшатнулась.

Он приподнял моё лицо, заставляя смотреть в глаза.

— Меня зовут Дэмиан, — сказал он. — Запомни это имя.

— Зачем? — спросила я. Голос сорвался на шёпот.

— Потому что отныне я — твой хозяин.

Я вырвала подбородок из его пальцев. Шагнула назад — насколько позволял стол.

— У меня нет хозяина, — сказала я.

Он усмехнулся. Не холодно — почти одобрительно.

— Есть, — сказал он. — Ты подписала контракт. Твой брат получил деньги. Теперь ты отрабатываешь.

— Я не знала, что это будет...

— Что? — перебил он. — Это? — он обвёл рукой комнату. — А что ты думала? Офис с бумажками? Светская беседа?

Я молчала. Потому что он был прав.

Я опустила голову. Смотрела в пол. На линолеум, в котором отражался тусклый свет лампы.

— Плачешь, — сказал он. Не спросил. Констатировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.